

УДК 882

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА И И.А. БУНИНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

© 2010 Т.В. Акаева

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию ////

Аннотация: В статье изучается творчество К.Н. Леонтьева и И.А. Бунина. На основе анализа философско-эстетических взглядов писателей делается следующий вывод: между творчеством К.Н. Леонтьева и И.А. Бунина наблюдается глубокое типологическое родство, исходящее из особенностей худо-жественного восприятия рокового увядания и смерти былой дворянской культуры.

Ключевые слова: Леонтьев, Бунин, философско-эстетические взгляды.

Abstract: This paper studies the work of K.N. Leontiev and I.A. Bunin. Based on the analysis of philosophical and aesthetic views of the authors concluded: between creativity K.N. Leontiev and I.A. Bunin a profound typological kinship that comes from the peculiarities of artistic perception of the fatal wilt and death of the former aristocratic culture.

Key words: Leontiev, Bunin, philosophical and aesthetic views.

По свидетельству А.В. Бахраха, И.А. Бунин не только с уважением относился к личности К.Н. Леонтьева, но и ценил «тягучую импрессию лирических откровений» (Д.Л. Попов) писателя: «Замечательный человек был Леонтьев, умный, интересный, талантливый. Некоторые его вещи, в частности его «Записки», буквально на уровне толстовских вещей. Его греческие романы немно-го тягучи и скучны и должны сейчас показаться старомодными, но в них неожиданно наткнетесь на страницу, на пятнадцать строк описания какого-нибудь Крита, которые великолепны» [1].

В русском литературоведении вопрос о пре-емственности между художественным творче-ством К.Н. Леонтьева и И.А. Бунина ставился немногими литературоведами (В.А. Сарычевым, В.А. Котельниковым и др.). В.А. Сарычев отмеча-ет, что «глубокое типологическое родство Бунина, одного из самых «неэтических» (В. Линков) рус-ских писателей, с Леонтьевым определяется как

раз общим для обоих художников эстетическим пониманием мира» [2].

Душевный склад личности писателей «был взращен островками удивительной, уникальной в своем роде культурой последнего «деревенского» дворянства, с еще живым, не утраченным чув-ством рода, преемственности и непрерывности жизни», с органической привязанностью к кор-ням, памятью о прошлом – вместе с ощущением близкого распада и конца этого уклада. Главное и ценнейшее содержание русской дворянской куль-туры в пору ее расцвета – родовой опыт красоты и свободы. По замечанию В.А. Котельникова он (опыт. – Т.А.), среди «русской бесформенности, создал лучшие формы личности, быта, искусства. Вокруг него складываются «предания русского семейства», весь усадебный мир, культ природы и сердца, нравы, речь, словесность» [3]. Этот опыт глубоко впитан и пережит Буниным и Ле-онтьевым, которые остро чувствуют конечность и близкую утрату былой дворянской культуры и «эстетически тоскуют по ней».

© Акаева Т.В., 2010

В художественном творчестве писатели пытаются возродить «поэзию» «дворянских гнезд», красоту былой культуры. Однако, если К. Леонтьев, сталкиваясь с современной прозаичностью жизни, обществом, идущим к культурному вырождению, пытается в своем творчестве «воскресить» культуру прошлых эпох, так как именно в прошлом он видит «эстетику жизни», то И. Бунин, пытаясь постичь суть происходящих в русской действительности событий, обращен именно к современности. Являясь человеком двадцатого столетия, Бунин более трезво относится к иррациональной стороне жизни, выделяя в ней разные аксиологические пласты и уровни.

Основной предмет леонтьевского изображения – «волшебная изменчивость и смута жизни», нашедшая отражение в трагических извивах человеческой судьбы. Его герои любят «жизнь со всеми ее противоречиями, непримиримыми веками», считая «почти священнодействием» свое «страстное участие в живописной драме земного бытия», «глубокий смысл» которой представляется ему «невыразимо таинственным, мистически неразгаданным» [2, 25]. Будучи реалистом, К. Леонтьев в своих произведениях следует закону «сосредоточенного отражения» жизни. Его интересует живая жизнь, ее внутренний закон, предопределяющий наличие отвлеченного, метафизического содержания жизни и реальной действительной жизни человека, который улавливает ее тайное содержание неким внутренним чувством, «рефлексом».

«В этом постоянном приближении к таинственному, в предчувствии Божества, создавшего безжалостность логических требований и неосуществимых, но ослепительно-ярких идей» сказывается трагическая сущность человеческого бытия. В художественном мире К. Леонтьева этот жизненный закон, природная необходимость облекается в образ «таинственного Божественного жениха, грядущего во полнощи» («Подлипки»). Знаковым представляется и то, что, несмотря на утверждение приоритета эстетического перед нравственным, писатель не позволяет своим героям поступать безнравственно, аморально. Однако они «исполняют не долг честности», а «долг жизненной полноты», которая подразумевает наличие в «земном бытии» противоположных начал: добра и зла, духовного и телесного. Ю.П. Иваск считал, что аморализм К. Леонтьева заключался в том, что «он не хотел, чтобы добро окончательно победило зло, ибо тогда ведь прекратится та борьба между этими началами, то напряжение, в которых он находил столько поэзии, столько красоты» [4].

Концепция цельной личности, сформировавшаяся в философской системе писателя, художественно воплощается в «изящной плоти как единении душевно-телесного в человеке». Однако на примере выводимых писателем художественных образов можно заметить утопичность возведенного К. Леонтьевым в идеал образа гармонической личности: автор идет в направлении от претворения в действительности идеала цельной человеческой личности как осуществления синтеза эстетического и этического до ее разрушения в «трагедии несостоявшегося единства» (Н.В. Бояркина) противоположных начал. Герой Леонтьева пытается постичь «глубокий смысл» «живописной драмы земного бытия», который оказывается для него «невыразимо таинственным и мистически неразгаданным».

Леонтьев, подводя своеобразные «итоги» русской классической (реалистической) художественной традиции в своем эстетическом трактате «Анализ, стиль и веяние», констатировал смысловую и эстетическую исчерпанность данной традиции. Однако теоретически предвосхищаемые Леонтьевым «новые пути» русской художественной традиции отнюдь не предполагали отрыва от постижения эмпирической действительности во всей ее полноте, закономерностях и «эстетике», то есть от реализма в собственном смысле слова, но призваны были вывести этот реализм на новую ступень. По его мнению, это должен быть не субъективно-произвольный идеалистический «прорыв» в «умопостигаемые» миры (как в символизме), а познание таинственных, запредельных, мистических глубин жизни, ее сущностных основ изнутри «нестерпимо сложной» пластики и «эстетики» самой жизни.

По нашему мнению, именно И.А. Бунин является самым ярким представителем провозглашаемого Леонтьевым «нового искусства». Именно в творчестве Бунина совершился чаемый Леонтьевым «поворот к изящному, идеальному», воплотилась «смелость философской и исторической мысли» [5].

В творчестве Бунина в отдельных произведениях идет полемика с традициями русской классической литературы. В его религиозно-философских исканиях прослеживаются типичные черты «нового» искусства, решающего проблемы философского осмысления действительности, житнетворчества, субъективного познания религии и искусства. И вместе с тем непреложным фактом остается то, что Бунин – реалист, своим творчеством и даже самим творческим типом генетически восходит к русской реалистической традиции (Пушкин, Толстой, Чехов), и модернистом в собственном смысле слова его назвать нельзя.

Вот как ставит проблему современный исследователь: «Творческий метод Бунина — сложное образование, вобравшее в себя многие явления предшествующей и современной ему культуры. Однако позицию писателя всегда отличал эстетический консерватизм, проявлявшийся, в частности, в остро неприязненном отношении к модернизму и модернистам. Много позже он говорил об особой «модерности» своих творений, то никак не связывал ее с модернизмом рубежа веков... сам «модернизм» Бунина, некое «ядро» его художественного метода, в известной степени родственно творческим исканиям Леонтьева, предвосхитившего, в свою очередь, некоторые эстетические искания русского модернизма» [2, 27].

Таким образом, Бунин не только испытывал существенное влияние мировоззрения и «эстетики жизни» Леонтьева, но и не был чужд некоторым элементам и принципам художественного метода Леонтьева. По мнению Бунина, «цель художника не оправдание какого-либо задания, а углубление и сущностное отражение жизни. <...> Художник должен исходить не из внешних жизненных данных, а из глубин жизни, из почвы жизни, прислушиваясь не к шуму партийных положений и споров, а к внутренним голосам живой жизни...» [6]. Подобно К. Леонтьеву, он восклицал: «Нет, мучительно для меня жить на свете. Все мучает меня своей прелестью».

«Онтологически первичным для Бунина был не человек и отдельные предметы, его окружающие, а мир во всей своей целостности» [7]. Поэтому в своих произведениях писатель решает проблему «человек и мир» особо. Его художественно-эстетическое восприятие действительности характеризуется онтологической глубиной познания начальных основ жизни. Именно «чувство жизни», жизнь в будничном течении, многочисленные чувства, наполняющие ее, интересуют Бунина-писателя. «Чувство жизни» — это то, чем человек живет в повседневности, как ощущает ход времени. Здесь важно все, все мельчайшие подробности бытия, которые создают общую картину бунинского мира. Важно именно это «чувство жизни», жизнь есть самое «чудесное из чудес»: «Он счастлив — чем? Только тем, что живет на свете, то есть совершает нечто самое непостижимое в мире» [8]. Упоенный вещественной силой прогресса человек полагает, что крепко держит в руках «чашу жизни» (эта бунинская метафора — художественный аналог леонтьевской «эстетики жизни»), в своей самонадеянности не замечая, что произошла подмена ценностей. Отсюда пристрастие Бунина, с одной стороны, к особым, «высоким моментам жизни (смерти,

любви), а с другой — к элементарным восприятиям, присущим человеку всегда, от первого до последнего мгновения его жизни: запахам, краскам, формам, с их бесконечными изменениями» [8, 45]. Бунинские герои и к жизни, и к смерти относятся одинаково холодно («Братья»). Нет понимания «мистического» смысла бытия, нарушена диалогичность отношений человека с Вселенной.

Особого рода философичность возникает в бунинской прозе благодаря авторской установке на воссоздание сущности бытия, его первоосновы, той «высшей энтелехии», которая придает человеческому существованию динамику, форму и смысл. Человеческая личность, постигающая неисчерпаемую, беспощадную в своей обнаженности истину бытия, — такова постоянная коллизия произведений писателя. Истина эта заключается в неизбежном трагизме, антиномичности бытия, и прелесть его заключается именно в трагизме. Внутренняя коллизия авторского сознания, она же коллизия человеческого бытия вообще, по словам Штерна, «желание человека слиться с беспредельным, и невозможность расставания со своей телесной, смертной оболочкой» [9].

Таким образом, бунинский герой осознает свою неразрывную связь с трагически прекрасной сущностью мира. В «Темных аллеях» его герой приближается к познанию леонтьевской «эстетики жизни»: «отдавая должное телесной страсти, герои писателя более всего ценят в любви тонкое, почти невыразимое словами чувство, которое как бы надстраивается над страстью, прорывает ее телесную оболочку и влечет в завораживающую своей сладостной неизвестностью даль» [2, 27]. «Стремление испытать через любовь «несказанное в своей остроте и в своем излишестве ощущение мира, жизни», желание постичь ее «цветущую сложность», ее «эстетику» движет героями и Бунина, и Леонтьева. И тот и другой знают, что чувство это обманчиво и их героев ожидает драматический финал. Но они знают также, что «нестерпимый трагизм жизни» утончает душевную природу человека, побуждая его искать красоту за пределами «постылого земного мира».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрах Л. Бунин в халате [Текст] / Л. Бахрах. — М. : Согласие, 2000. — С. 57.
2. Сарычев В.А. Иван Бунин и Константин Леонтьев: эрос «цветущей сложности» жизни [Текст] / В.А. Сарычев // Филологические науки. — 2005. — №2. — С. 23.
3. Котельников В.А. Иван Бунин и Константин Леонтьев [Текст] / В.А. Котельников //

Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов к 125-летию со дня рождения писателя. – Воронеж, 1995. – С. 70.

4. Иваск Ю.П. Константин Леонтьев (1831 – 1891): Жизнь и творчество [Текст] / Ю.П. Иваск // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. Кн. 2. / Сост., послесловие А.А. Королькова, сост., примеч., прил. А.П. Козырева. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 269.

5. Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891) [Текст] / К.Н. Леонтьев [Публ., предисловие и коммент. Д.В. Соловьев]. – СПб. : Пушкинский фонд, 1993. – С. 222.

6. Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество [Текст]: Кн. для учителя / Л.А. Смирнова. – М. : Просвещение, 1991. – С. 120.

7. Сливацкая О.В. О природе бунинской «внешней» изобразительности [Текст] / О.В.Сливацкая // Русская литература. – 1994. – №1. – С. 80.

8. Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина [Текст] / В.Я. Линков. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – С. 42.

9. Штерн М.С. В поисках утраченной гармонии (проза И.А.Бунина 1930–1940-х гг.) [Текст]: Монография / М.С.Штерн. – Омск : Изд-во Ом ГПУ, 1997. – С. 5.

Акаева Т.В.

Липецкий государственный педагогический университет.

Аспирантка кафедры литературы.

e-mail: tamara.akaeva@rambler.ru, gabbi-lip@mail.ru

Akaeva T. V.

Lipetsk State Pedagogical University.

Post-graduate department of literature.